

ПИНДАР

О Д Ы

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Русские поэты и филологи неоднократно обращались к переводу Пиндара, однако ни один из существующих опытов не получил безоговорочного признания даже среди специалистов. Тем труднее оказалось приискать убедительную форму для этого нового перевода. Здесь для переводчика представлялись три возможности.

Во-первых, — перевод традиционными русскими силлабо-тоническими стихами, может быть, даже с рифмой. Так перевел две оды Пиндара Державин («Сочинения», 1864, т. 2), одну — Мерзляков («Подражания и переводы», 1826, ч. 2), три — Водозов («Переводы в стихах и оригинальные стихотворения», 1888), так перевел все олимпийские и пифийские оды П. Голенищев-Кутузов («Творения Пиндара», 1804). Такой перевод дает наибольшее ощущение «художественности» и наименьшую возможность точности. Он легко читается; однако стилистические и образные ассоциации русских стихотворных размеров настолько прочны и устойчивы, что в подобных переводах они полностью подавляют своеобразие оригинала. Поэтому практика таких переводов в русской литературе давно и разумно оставлена.

Во-вторых, — перевод прозой. Так в свое время сделал единственный русский полный перевод Пиндара И. Мартынов («Пиндар», ч. 1—2, 1827); так перевел девять од В. Майков (ЖМНП, 1892, 8—10; 1893, 1, 4, 11, 12; 1896, 6; 1898, 5). Такой перевод дает наибольшую точность и наименьшую художественность; он сообщает, о чем писал поэт, но не может дать почувствовать, почему эти стихи считаются прекрасными, а поэт — великим. В русской практике такие переводы обычно имели лишь вспомогательное значение как пособие для чтения греческого подлинника.

В-третьих, — так называемый перевод размером подлинника (т. е. силлабо-тоническая имитация метрического стиха). Так В. Иванов перевел 1 Пифийскую оду (ЖМНП, 1899, 8, перепечатано в хрестоматии Ф. Зелинского «Древнегреческая литература эпохи независимости», 1921, ч. 2); так (с некоторым упрощением метра) М. Е. Грабарь-Пассек перевела 1 Пифийскую и 1 Истмийскую оды («Хрестоматия по античной литературе», под ред. Н. Ф. Дератани, т. I, 1939 и позднейшие перепечатки). Такой тип перевода господствует в советской переводческой практике и достоинства его общепризнаны: он в наибольшей степени может донести до читателя поэтическое своеобразие подлинника. Однако, по-видимому, «размер подлинника» Пиндара оказался слишком сложен для такого перевода. Даже перевод В. Иванова при всей его замечательной стилистической выразительности ощущается громоздким и малопонятным. Можно надеяться, что будущие переводчики, соединив поэтический и филологический талант, достигнут наибольших удач именно на этом пути; но для нас это оказалось недоступно.

Поэтому вместо трех «законных» способов перевода Пиндара нам пришлось выбрать четвертый — перевод свободным стихом. Такая практика перевода давно знакома европейской традиции: того же Пиндара в сравнительно недавнее время так пере-

- Сердце мое,
Ты хочешь воспеть наши игры?
Не ищи в полдневном пустынном эфире 5
Звезд светлей, чем блещущее солнце,
Не ищи состязаний, достойней песни,
Чем олимпийский бег.
Лишь отсюда многоголосый гимн
Разлетается от мудрых умов,
Чтобы славить Кронида 10
У блаженного очага Гиерона —
- 1 а. Гиерона, который владеет
Скиптром правосудия в стадообильной Сицилии,
Гиерона, у которого в житнице —
Наливные колосья всех добродетелей,
Гиерона, который блещет 15
Славословием песнопений
Среди нашего веселья на его гостеприимном пиру.
- Сними же с гвоздя
Дорийскую лиру,
Если в душу скользнула сладкою заботою
Радость о Писе и о Ференике,
Который, мчась при Алфее¹, 20
Не касаем бичом,
Причастил победе своего господина —
- 1 э. Царя Сиракуз,
Любителя конеборств.
- Слава Гиерона сияет
В славной мужами земле лидийца Пелопа —
Пелопа, которого полюбил держатель земли Посидон, 25
Когда Клото воздвигла его из чистой купели
С плечом, блиставшим слоновьей костью.
- ...Но нет, это сказки:
Ведь так часто людская молва
Переходит за грани истины;
И сказания, испещренные вымыслами,
Вводят в обман.
- 2 с. Ведь Харита, 30
Подательница всего, что нам мило,
Столько уж раз
Представляла нам неверное верным!
Нет: бегущие дни — надежнейшие свидетели:
Человек о богах 35
Должен говорить только доброе,
И на нем не будет вины.
Пелоп, сын Тантала!
Я скажу о тебе иное, чем предки:
Я скажу, что некогда твой отец,
Созывая богов на милый Сипил,
Благозаконно
Воздавал им пиром за пир, —
И тогда-то сверкающий трезубцем бог 40
Схватил тебя и унес,

- 2 а. Ибо страсть придавила его сердце.
 На своих золотых конях
 Он вознес тебя к Зевсу в небесный широкославный чертог,
 Где такая же страсть поселила потом Ганимеда ². 45
 Ты исчез,
 И люди искали, но не нашли тебя для матери;
 А завистник-сосед
 Стал, таясь, рассказывать людям,
 Как в воду, кипящую на огне,
 Острым изрубленное ножом,
 Падало тело твое,
 Как делили его за столом на куски и ели. 50
- 2 в. Нет!
 Я не смею назвать людоедами богов!
 Слишком часто кара настигала богохульников.
 Если олимпийцы чтили когда-нибудь смертного, —
 Это был Тантал; 55
 Но не мог он переварить своего великого счастья:
 За великую гордыню понес он от высшего Отца
 Величайшую казнь:
 Исполинский камень, нависший над лбом.
 Он рвется его свалить,
 Он забыл блаженный покой,
- 3 с. В безысходной жизни он окутан мучением,
 Четвертым к трем, ³ — 60
 Потому что он похитил у вечноживущих
 Для сверстных себе застольников
 Нектар и амвросию,
 В которых было бессмертье.
 Неправ,
 Кто надеется, человек, укрыться от ведома бога!
 Оттого-то 65
 И вернули его сына бессмертные
 К кратковременной доле жителя земли.
- А когда расцвели его годы,
 Когда первый пух отемнил его щеки,
 Он задумался о брачной добыче,
- 3 а. О славной Гипподамии, дочери писейского отца. 70
 Выйдя к берегу серого моря,
 Он один в ночи
 Воззвал к богу, носителю трезубца,
 К богу, чей гулок прибой, —
 И бог предстал пред лицом его.
 Сказал Пелоп: 75
 «Если в милых дарах Киприды
 Ведома тебе сладость, —
 О, Посидон!
 Удержи медное копые Эномая,
 Устреми меня в Элиду на необгонимой колеснице,
 Осени меня силой!
 Тринадцать мужей, тринадцать женихов
 Погубил он, отлагая свадьбу дочери: 80

- 3 э. Велика опасность, и не для робкого она мужа,—
 Но кто и обречен умереть,
 Тот станет ли в темном углу праздно терпеть бесславную
 старость,
 Отрешась от всего, что прекрасно?
 Испытание это — по мне,
 А желанная победа моя — от тебя!» 85
 Он сказал —
 И слова его были не праздными.
 Для славы его
 Дал ему бог золотую колесницу и коней с неутомимыми
 крыльями.
- 4 с. Он поверг Эномаеву мощь,
 Он возлег с его дочерью,
 И она родила ему шесть сыновей,
 Шесть владык, блистающих доблестью.
 А теперь, 90
 Почитаемый ярью кровавых возлияний,
 Он почплет у Алфейского брода ⁴,
 И несчетные странники стекаются к его могиле
 Помолиться у алтаря.
 Но слава его,
 Слава Пелопа,
 Далеко озирает весь мир с Олимпийских ристалищ, 95
 Где быстрота состязается с быстротой
 И отважная сила ищет своего предела;
 И там победитель
 До самой смерти
 Вкушает медвяное блаженство
- 4 а. Выигранной борьбы,—
 День дню передает его счастье,
 А это — высшее, что есть у мужей. 100
 А мой удел —
 Конным напевом, эолийским ладом ⁵
 Венчать героя.
 Я знаю:
 Никого из ныне живущих,
 Столь искушенного в прекрасном, столь превосходного
 в могуществе, 105
 Не прославим мы складками наших песен.
 Некий бог, пекущийся о твоих помышлениях,
 Бдит и над этим твоим призванием, Гиерон.
 Если он не оставит тебя —
 Я верю, что я вновь еще сладостнее прославлю
- 4 э. Стремительную твою колесницу, 110
 Проложив колею благотельной хвалы
 По склонам издали видного Крония ⁶:
 Самую крепкую стрелу свою
 Муза еще не сработала для меня.
- Разным людям — разное величие;
 Высочайшее из величий — венчает царей;
 О, не стреми свои взоры еще выше!

Будь твоей долей — 115
 Ныне поспирать вершины;
 А моей —
 Обретаться рядом с победоносными
 Первому во всем искусстве перед эллинами.

Ода писана во время поездки в Сицилию в 476 г. Самая ранняя из од в честь Гиерона: ст. 8 еще не обнаруживает вражды к соперникам-поэтам. В александрийской традиции поставлена первой среди Олимпийских од, так как прославляет величие Олимпийских игр и первого их основателя — Пелопа. Отчетливый симметричный план с мифом посередине (причем миф — двупланый: положительный образ Пелопа оттенен отрицательным образом Тантала): игры и победитель — Пелоп-любимец — Тантал — Пелоп-влюбленный — игры и победитель. Разработка темы убийства Пелопа — самый развернутый образец критики традиционных мифов у Пиндара.

¹ Олимпийский ипподром расположен параллельно Алфею; конь Ференик уже приносил Гиерону победы в 482 и 478 гг. на Пифийских играх.

² По «Илиаде» (5, 265; 20, 232) Ганимед жил до Пелопа, но по «Малой Илиаде» — после.

³ Неясное место: имеются в виду или четыре великих преступника в Аиде — Сизиф, Титий, Иксион и Тантал, или четыре казни — голод, жажда, страх нависшего камня и бессмертие (возможен и другой подбор).

⁴ Пелопшон, описываемый у Павсания (5, 13).

⁵ Эолийский, или гиподорийский лад считался в античной музыке живым и благородным.

⁶ Кроний — холм над Олимпийской долиной; у Пиндара обычно метонимически обозначает Олимпию. Мечта Гиерона о колесничной победе в Олимпии (которая считалась самой почетной) исполнилась в 468 г.

Вторая Олимпийская песня. («Острова блаженных»)
ФЕРОНУ АКРАГАНТСКОМУ, сыну Энесидама,
 на победу в колесничном беге.
 Год — 476.

1 с. Песни мой, владычицы лиры,
 Какого бога,
 Какого героя,
 Какого мужа будем мы воспевать?
 Над Писою властвует Зевс;
 (Олимпийские игрища учредил Геракл
 От первин победы;
 Но воскликнем мы ныне о Фероне,
 Ибо победоносна была его четверня.) 5

Он милостив к странствующим,
 Он оплот Акраганта,
 Он цвет от корня достопроставленных предков,
 Блудителей города;

1 а. Много вынесши духом,
 Они обрели это священное обиталище над рекой,
 Они стали зеницей Сицилии,
 Время и Судьба бодрствовали над ними, 10
 Осыпая богатством и благом
 Родовую их доблесть.

И ты, Зевс,
 Сын Крона и Реи,
 Восседающий на престоле Олимпа
 И над вершиною игр у Алфейского брода,
 Тронься моею песней
 И оставь им в твоей милости отчие поля —

1 э. В роды и роды. 15

- Все, что было, и правое, и несправое,
 Не станет небывшим,
 Не изменит исхода
 Даже силою Времени, которое всему отец;
 Но милостивый рок может погрузить его в забвение
 Нестерпимая боль, укрощенная, умирает,
 Заглушаясь радостями удач,
- 2 с. Когда Доля, ниспосланная от бога,
 Возносит наше счастье до небес. 20
- Такова и повесть о царственных дочерях Кадма:
 Тяжкое претерпели они;
 Но бремя горя ниспало с их плеч
 Пред силою блага. 25
 Длиннокудрая Семела, пав от громовой стрелы,
 Вновь жива на Олимпе,
 Где любит ее Паллада,
 Любят Музы,
 Любит родитель Зевс
 И больше всех любит сын ее, повитый плющом.
- 2 а. А в пучине,
 Средь Нереевых дочерей
 Ино 30
 Обрела неугасающую жизнь на вечные веки.
- Не предуказан смертным
 Час их смерти:
 Доживем ли до заката спокойного дня,
 Детища солища,
 Не нарушив его блаженства?
 Радость и тягость,
 Волна за волной, набегают на род человеческий,—
- 2 в. Это Доля, 35
 Из рода в род блюдущая судьбу людскую,
 Вместе с счастьем, даром богов,
 Посылает людям и горе
 Переменную чередой.
- Так роковой сын Лаия
 Умертвил встреченного отца
 Во исполнение древнего вещания Пифии, — 40
- 3 с. И Эринния с пронзающим взором
 Сокрушила братоубийством его воинственный род.
 Но Ферсандр, пережив Полиника¹,
 В новых битвах снискав себе новые почести,
 Стал спасительным отпрыском для корня Адрастидов; 45
 И плод его семени,
 Сын Энесидама,
 Достоин славы
 В хвалебных песнопеньях и в бряцании лир.
- 3 а. В Олимпии
 Он сам обрел свой победный дар;
 У Пифона и на Истме
 Вместе с братом, равным ему во славе²,
 Увенчала его общая Харита 50

За двенадцать пробегов колесничной четверни.
 Счастье победы
 Смывает труд состязанья.
 Богатство, украшенное доблестью,
 Ведет мужа от удачи к удаче, от заботы к заботе,
 3 а. Сияет звездой, 55
 И нет сияния свойственное человеку.

Владея таким уделом,
 О, если бы знал человек грядущее!
 Если бы знал он,
 Как, миновавши смерть,
 Презренные души тотчас постигаются карами!
 За вину в этом царстве Зевса
 Некто в преисподней изрекает роковые приговоры. 60

4 с. Лишь достойные мужи
 Обретают беструдную жизнь
 Там, где под солнцем ночи и дни равны во веки веков.
 Силой рук своих 65
 Они не тревожат ни землю, ни морские воды,
 Гонясь за прожитком;
 Радостные верностью своей,
 Меж любимцев богов
 Провождают они беспечальную вечность;
 А для остальных —
 Муки, на которые не подымется взор.

4 а. Но те, кто трижды
 Пребыв на земле и под землей,
 Сохранили душу свою чистой от всякой скверны,
 Дорогою Зевса шествуют в твердыню Крона. 70
 Остров Блаженных
 Овеивается там ведьями Океана;
 Там горят золотые цветы,
 Возникая из трав меж сияющими деревьями
 Или всплаиваемые потоками.

Там они обвивают руки венками и цепями цветочными
 4 э. По правым уставам Радаманфа, 75
 Избранного в сопредостольники
 Горним отцом, супругом Реи, чей трон превыше всего ³.
 Там Пелей, там Кадм,
 И туда вознесла Ахилла
 Мать его, тронув мольбами Зевсово сердце,— 80

5 с. Ахилла, которым повергнут
 Гектор, столп Трои, незаблемый, непобедимый,
 Ахилла, которым преданы смерти
 Кикн и эфиоп, рожденный Зарей ⁴.

Много есть быстрых стрел
 В колчане у моего локтя.
 Понимающим ясны их речи — 85
 А толпе нужны толкователи.
 Мудрый знает многое отроду —
 А кому потребно ученье,

- Те, как вороны,
 Оба каркают болтливо и праздно ⁵
- 5 а. Против божественной птицы Зевса.
 Сердце мое, нацель же свой лук без промаха!
 В кого мы уметим,
 Слустив прославляющие стрелы с тетивы милосердного духа? 90
 В Акрагант ли
 Обращу я заветное слово
 Нескрытного моего ума?
 Сто лет не рождал этот город ⁶
 Мужа, добрее к друзьям,
 Мужа, щедрее в дарах,
- 5 э. Чем Ферон. 95
 Пусть неправедная зависть восстает на хвалу,
 И злоязычие безумцев
 Тщится покрыть забвением славные дела, —
 Неисчислимы пески,
 И сколько отрады людям принес Ферон,
 Кто исчислит?

Написано в Сицилии. Ферон правил в Акраганте в 487—472 гг.; дочь его была замужем за Гелоном Сиракузским, а после смерти Гелона (478) вышла по завещанию за его брата Полизала; третий брат, Гиерон, изгнал Полизала, тот искал помощи у Ферона, грозила война, очень опасная для Акраганта, но стараниями поэта Симонида Кеосского был заключен мир (Диодор, XII, 86 под 476 г.). Уже античные комментаторы видели намек на эти события в рассуждениях Пиндара о превратностях судьбы и конечной удаче. Тема Островов Блаженных и метампсихоза — редкий отголосок италийского пифагорейства, в целом скорее чуждого Пиндару. План симметричный: город и победитель — превратности судьбы — доблесть Ферона — конечная награда — город и победитель.

¹ Ферсандр, сын Полиника и Аргей, дочери Адраста, участник похода эпигонов и Троянской войны, считался предком основателей Гелы и Акраганта, от которых производил свой род Ферон.

² Ксенократ, герой од Пиф. 6 и Истм. 2 (впрочем, в списках пифийских победителей имени Ксенократа нет; истмийские списки не сохранились).

³ Кронос (по толкованию Дидима), Зевс (по толкованию Аристарха).

⁴ Кикн — сын Посидона, убитый Ахиллом при высадке греков на троянском берегу; эфиоп — Мемнон (у Пиндара они часто упоминаются рядом).

⁵ Схолиасты видят здесь намек на Симонида и Вакхилида, которые в 476 г. тоже находились при дворе Гиерона.

⁶ От основания Акраганта в 582 г.

Третья Олимпийская песня. «Геракл Гиперборейский»
 ФЕРОНУ АКРАГАНТСКОМУ на ту же победу
 к празднику Феоксений в честь Диоскуров.
 Год — 476.

- 1 с. Тиндаридам Гостеприимцам
 И Елене прекраснокудрой
 Хочу я на радость
 Почтить прославленный Акрагант,
 Воздвигая эту песнь
 Олимпийской победе Ферона
 И его не знающих устали коней.
 Муза встала рядом со мной,
 Ибо мною обретен новоблещущий лад,
 С дорийским напевом слаживающий праздничную речь. 5
- 1 а. Венки на этих кудрях
 Зовут меня к долгу, восставленному богами,
 Зовут меня слить

Перезвоны лир, переклики флейт и склад слов
По достоинству Энесидамова сына.

- Это Писа велит мне начать,
Ибо от Писы разлетаются меж людей
Песни, причастницы бессмертных, 10
- 1 э. Спеша к тому, чьи кудри и лоб
Безупречный этолиец, судящий над эллинами ¹,
Во исполнение древних Геракловых заветов
Осенил бледной краскою оливы,
Которую некогда от тенистых истоков Истра
Сын Амфитриона
Принес в Олимпию,—
Лучшую память Олимпийских игр. 15
- 2 с. Он принес ее от гипербореев,
Служителей Аполлона,
Умолив их словами разума
Во имя святилища Зевса, славного по всей земле,
О дереве, осеняющем мужей и венчающем подвиги.
Алтари отца его уже были освящены,
И луна, зеница сумерок, луна в золотой колеснице 20
Полным блеском сияла ему с небес,
- 2 а. Когда он утвердил
Святой закон пятилетних великих игр ²
На алфейских склонах, достоянии бога.
Не цвела еще деревьями
В Кронийской долине Пелопова земля,
И голый сад покорствовал солнечным острым лучам.
Это видел Геракл,
И дух устремил его в путь к Истрийским пределам. 25
- 2 э. Там дочь Латоны,
Стремительница коней,
Встретила его,
Пришедшего взять
Из теснин и извилистых недр Аркадии
По указу Еврисфея, по року отца
Златорогую лань,
Некогда обещанную Ортосии
Писанным обетом Таигеты ³. 30
- 3 с. В погоне своей
Он достиг земель, что за спиной у ледяного Борей,
Он застыл, увидав их деревья,
И сладкое желание обуяло его
Посадить их вокруг ристалищ,
Огибаемых в беге двенадцать раз.
- И теперь он приходит, веселый,
На праздник свой,
Сопутствуемый богоподобными близнецами,
Которых носила Леда, широко подпоясанная мать,— 35
- 3 а. Ибо, отходя на Олимпи,
Это им он вверил свои состязания, диво для глаз,
В доблести мужей и в быстроте колесничных погонь ⁴.

И если сердце горюпит меня воспеть
 Славу Эмменидов, славу Ферона⁵,
 То это от конников Тиндаридов низошла она,
 Потому что первыми из всех смертных
 Эммениды их чтят у своих гостеприимных столов,
 3 а. Благоговейным духом блюда обряды блаженных. 40

Если лучшее в мире — вода,
 Если достойнейшее из благ — золото,
 То в доблестях рода своего — Ферон
 Ныне достиг предела, коснувшись Геракловых столпов.
 Дальнейший путь
 Заповедан мудрому и немудрому.
 Ни шагу, песнь моя!
 Твой певец не безумен. 45

Феоксении — праздник угощения богов, подобный римским лектистерниям (отсюда — пиришественные венки в ст. 5). Почему праздник победы Ферона был приурочен к этому дню, неизвестно. План симметричный, с мифом в центре. Концовка перекликается со знаменитым началом Ол. 1, связывая таким образом Ферона и Гирона.

¹ Эллияде, из которых выбирался олимпийские судьи, считались колонистами атолийцев.

² Об утверждении Олимпийских игр Гераклом после победы над Авгием см. Ол. 10.

³ Нимфа, дочь Атланта: Артемида (Ортосия) обратила ее в лань, чтобы спасти от домогательств Зевса, и в благодарность она посвятила Артемиде такую же лань.

⁴ Более об этом нигде не упоминается.

⁵ Название рода — от Эммена, деда Ферона.

Четвертая Олимпийская песня. «Эргин»
 ПСАВМИЮ КАМАРИНСКОМУ
 На победу в колесничном беге, чтобы петь в Олимпии.
 Год — 452.

с. Высочайший погонщик неутомимых громов,
 Зевс,
 Не твои ли Оры
 Пестрым напевом хороводных лир
 Зовут меня в зрители высокой борьбы¹?
 Успех друзей —
 Сладкая весть, мгновенная радость добрым. 5
 О Кронион,
 Держатель Этны,
 Обветренного бремени стоголового исполина Тифона,
 Во имя Харит
 Прими олимпийский победоносный запев,
 а. Немеркнувший отсвет ширококосильной доблести. 10

Это — запев о колеснице Псавмия,
 В писейском венке
 Рвущегося взметнуть славу Камарины.
 Бог будь благ
 Отныне к его мольбам²!
 Псавмию — моя хвала:
 Он щедр вскармливать скакунов,
 Он рад привечать гостей, 15
 Мысль его чиста,
 Обращенная к миру, лелеятелю городов.

- Ложь не увлажнит моих слов:
 Испытание — проба людям.
- э. Не так ли
 Отряс поношения лемносских жен 20
 Сын Климена,
 В медных доспехах стяжав беговой победный венки,
 Чтобы молвить Гипсипиле ³:
 «Таков мой бег,—
 А руки и грудь не слабей того;
 Нередко
 Неурочной порой приходит седина
 И к юным».

Камарина, дважды разрушенная сиракузянами в 553 и 484 гг., была снова отстроена жителями Гелы в 461—460 гг.; песня Пиндара — ободрение первому успеху во-воотстроенного города. Композиция линейная, без симметрии.

¹ Т. е. в смене времен года вновь приходит срок Олимпийских игр.

² К мольбам о дальнейших победах.

³ Гипсипила вручала венки победителю на Лемносских играх в память Фоанта (ср. о них также Пиф. 4, 253—254); победителем оказался Эргин, сын Климена, правнук Фрикса, одолевший в беге при оружии самих Бореадов. По свидетельству схолиаста, имя его вошло в пословицу; поэтому оно и не названо Пиндаром.

Пятая Олимпийская песня. («Камарина»)
 ПСАВМИЮ КАМАРИНСКОМУ
 на победу в состязании на мулах, чтобы цеть в Камарине.
 452 или 448 год.

- 1 с. Высоких доблестей,
 Олимпийских венков
 Сладкое руно
 Прими улычиво, дочь Океана ¹!
 Это дары
 Псавмия от упряжки неутомимых мулов,
- 1а. Это он,
 Возвеличивая многолюдный град
 Твой, Камарина,
 Шести двойным алтарям 5
 На празднествах величайших богов
 Воздал почет
 Закланьными быками и пятидневными ристаниями
- 1 э. На конях, на мулах и верхом ².
 В победе его — милая слава твоя,
 В крике о ней — имя Акрона, его отца,
 И его новозданной обители.
- 2 с. А ныне,
 Воротясь от желанных пределов Эномаевых и Пелоповых,
 Твой, Паллада, держательница городов, 10
 Поет он священный лес,
 И реку Оанис,
 И озеро в берегах,
- 2 а. И державные русла, которыми Гиппарис орошает народ ³,
 Быстро слаживая
 Высоковерхий лес крепких зданий ⁴,
 Из бессилия выводя на свет
 Сонм сограждан.
- 2 э. Трата и труд, 15

Вечные приспешники доблести,
 Борются за скрытый в опасностях подвиг.
 За кем успех —
 Тот и мудр во мнении людском.

- 3 с. Зевс-Спаситель,
 Высокооблачный,
 Ты, восседающий на Кроновом холме,
 Ты, осеняющий широко текущий Алфей
 И святую пещеру Иды ⁵!
 С мольбою
 Под посвист лидийских флейт
 Припадаю к тебе:
- 3 а. Да изощрится твой город славным мужествованием, 20
 А ты, Псавмий,
 Олимпийский победоносец,
 Ликующий о Посидоновых скакунах,
 Да пронесешь до смертной черты
- 3 э. Благодушную старость в кругу твоих сынов!
 Кто здоровым орошен благом,
 Довлеющее добро украшая хвалой, —
 Тот не рвись достигнуть божественности.

Принадлежность этой песни Пиндару сомнительна; ее оспаривали уже античные комментаторы и за ними многие филологи, в том числе и Баура. Адресат — тот же, что в предыдущей песне; состязания в колесничном беге на мулах устраивались на Олимпийских играх только в 496—436 гг., но списки победителей не сохранились, поэтому точная дата оды неизвестна. Композиция симметричная по трем триадам (герой — город — герой) с поочередными обращениями к нимфе Камарине, Афине Палладе и Зевсу.

¹ Нимфа Камарина, покровительница города.

² Шесть алтарей двенадцати богам были поставлены, по преданию, Гераклом, но лишь немногие из участников состязаний приносили жертвы на всех шести и лишь редкие, подобно Псавмию, участвовали в трех видах состязаний сразу, чтобы в одном из них выйти победителем. Олимпийские игры продолжались семь дней, первый и последний были заняты церемониями.

³ Афина Паллада изображалась на монетах Камарины; река Гипшарис протекала через озеро Камарину, река Оанис более не упоминается.

⁴ Г. е. доставляя лес для построек или воду для приготовления черепицы крыш (толкования «сходнастов»).

⁵ Такая пещера была в Элиде, как и на Крите и в Фригии.

Шестая Олимпийская песня. <«Иам»>
 АГЕСИЮ СИРАКУЗСКОМУ, сыну Сострата из рода
 Иамидов, и вознице его Финтию
 на победу в состязании на мулах, чтобы петь в Стимфале.
 Послана с Энеем, учителем хора.
 Год — 472 или 468.

- 1 с. Золотые колонны
 Вознося над добрыми стенами хором,
 Возведем преддверие,
 Как возводят сени дивного чертога:
 Начатому делу — сияющее чело.

Олимпийский победоносец,
 Блюститель вещего Зевесова алтаря,
 Сооснователь славных Сиракуз ¹, —
 Какая минует его встречная хвала

- В желанных песнях беззаветных сограждан?
 1 а. Пусть ведает сын Сострата:
 Подошва его — под божественной пятой.
 Бестревожная доблесть
 Не в чести
 Ни меж пеших мужей, ни на полых кораблях; 10
 А коль трудно далось прекрасное —
 Его не забыть.

- Для тебя, Агесий, —
 Та правая похвала,
 Какую молвил Адраст
 Над Амфиараем, вещателем-Оиклидом:
 Когда поглотила его земля на блещущих его конях,
 1 э. Тогда над семью кострами для мертвых тел ² 15
 Пред стенами Фив
 Сын Талая такое вымолвил слово:
 «Горько мне о зенице воинства моего,
 О том, кто был добрый муж
 И проричать, и копьем разить!».
 А не это ли и твой удел,
 О сын Сиракуз,
 Предводитель нашего шествия?
 Я не спорщик,
 Я не друг вражде,
 Но великою клятвою поклянусь: это так;
 И заступницами моими станут Музы, 20
 Чья речь — как мед.

- 2 с. Запряги же мне, Финтий, мощь твоих мулов,
 И пуцу я колесницу по гладкому пути
 К племени тех мужей! 25
 Мулам ведом тот путь,
 Ибо венчаны они олимпийским венком.
 Пора мне распахнуть перед ними врата песнопений,
 Пора мне предстать
 Питане ³ у быстрого Еврота,
 2 а. Где слился с ней (так гласит молва)
 Посидон, сын Крона, 30
 Чтобы родила она Евадну с синими кудрями.
 На груди укрыв свой девичий приплод,
 В урочный свой месяц
 Призванным прислужницам повелела она
 Вверить дитя
 Доблестному Элатиду,
 Правящему над аркадянами в Фесане ⁴,
 Дольщику алфейских поселений.

- Вскормленная там, 35
 От Аполлона познала она первую сладость Афродиты.
 2 э. Но недолго тайлся от Эпита божий посев —
 Несказанный гнев
 Жгучею заботою стеснивши в сердце своем,
 Он пустился к пифийской святыне
 Вопросить о непереносимой своей обиде;

- А она меж тем,
 Развязав свой багряный пояс,
 Отложив свой серебряный кувшин ⁵, 40
 Под синюю сенью ветвей
 Родила она отрока, мудрого, как бог, —
 Золотокудрый супруг, кроткая думами Илифия и Судьбы
 Были при ней,
- 3 с. И скорые радостные роды
 Извели Иама на свет из чрева матери его.
 Терзаясь,
 Оставила она его на земле,
 И два змея с серыми глазами 45
 По воле божеств
 Питали его, оберегая,
 Невредящим ядом пчелиных жал ⁶.
 А царь,
 Примчавшись от пифийских утесов,
 Всех в своем дому
 Вопросал о младенце, рожденном Евадной:
 Говорил, что Феб — родитель ему,
- 3 а. Что быть ему лучшим вещуном над земнородными, 50
 И что племени его не угаснуть вовек.
 Так возглашал он, —
 Но клятвенные встречал ответы,
 Что никто не видел и никто не слышал
 Младенца, рожденного уж за пятый день.
 В камыше, в неприступной заросли
 Таился он,
 И лучами багряными и желтыми 55
 Проливались на его мягкое тело
 Ион-цветы,
 Чьим бессмертным именем указала ему называться мать
 Во веки веков.
- 3 э. А когда вкусил он от плода
 Сладкой Гебы в золотом венце,
 То, сойдя в алфейские воды,
 Воззвал он к Посидону, мощному праотцу своему,
 И воззвал он к лучнику, блюстителю богозданного Делоса,
 О том, чтобы честь, питательница мужей,
 Осенила его чело. 60
 Ночь была, и открытое небо.
 И в обмен его голосу прозвучал иной,
 Отчий, вещающий прямые слова:
 «Восстань, дитя,
 Ступай вслед за вестью моей
 В край, приемлющий всех!».
- 4 с. И взошли они на каменную кручу высокого Крония, 65
 И там восприял Иам
 Сугубое сокровище предведения ⁷:
 Слух к голосу, не знающему лжи,
 И указ:
 Когда будет сюда Геракл,
 Властная отрасль Алкидов, измыслитель дерзновенного, —
 Утвердить родителю его

Празднество, отраду многолюдья,
 Великий чин состязаний
 И на высшем из алтарей — Зевесово 70
 Прорицалище.

4 а. С тех самых пор
 Многославец меж эллинами род Иамидов:
 Сопутствуемый обилием,
 Чтящий доблесть,
 Шествует он по видному пути.
 Каждое их дело — свидетельство тому:
 И завидуют хулящие
 Тому, кому вскачь на двенадцатом кругу 75
 Первому по чести излила Харита
 Славную свою красоту.

Если предки, Агесий, матери твоей
 У граней Киллены
 4 э. Подлинно дарили в благочестии своем
 Многие и многократные закланья
 Ради милости Эрмия,
 Вестника богов, в чьей руке — состязание и жребий наград,
 Возлюбившего Аркадию, славную мужами, — 80
 То это он
 И тяжело грохочущий родитель его
 Довершают твою славу, о сын Сострата.

Певучий оселок — на языке у меня ⁸,
 Слава его льется чудными дуновениями
 Навстречу воле моей.
 Мать моей матери —
 Цветущая Метопы из-под Стимфала ⁹;
 5 с. Она родила Фиву, хлещущую скакунов, 85
 Фиву, чью желанную воду я пью,
 Пеструю хвалу сплетая копыносным бойцам.

Возбуди же, Эней, сопоснешников твоих
 Первым чередом воспеть девственницу Геру ¹⁰,
 А вторым — попытать,
 Не избудет ли правда речей моих
 Старую брань: «беотийская свинья» ¹¹? 90
 Ты — верный мой гонец,
 Ты — скрижаль прекраснокудрых Муз,
 Ты — сладкий ковш благозвучных песнопений,

5 а. И тебе я велю
 Помянуть Сиракузы, помянуть Ортигию,
 Где, скипетром чист и мыслями прям,
 Правит Гиерон,
 Чтущий Деметру, обутую в багрец, 95
 И торжество ее дочери о белых конях,
 И мощь Зевеса Этнейского.
 Ведом он и струнам и сладкоречивым напевам;
 Пусть же его блаженства не тревожит крадущееся время,
 Пусть он примет в желанном добросердечии своем

5 э. Шествие Агесия

От стен Стимфалы, матери аркадийских стад,
 С родины на родину:
 Хороши два якоря
 Быстрому кораблю в бурную ночь —
 Да прославит милующий бог
 И эту и ту!
 Властвующий над морем
 Супруг Амфитриты с золотым веретеном,
 Прятому кораблю
 Дай беструдный путь,
 Чтоб расцвел
 Благоуханный цвет моих песен!

100

105

Видный жреческий род Иамидов, происхождение которого описывается в песне, занимался гаданием по огню при алтаре Зевса в Олимпии; к этому роду принадлежал и Агесий, по матери — аркадянин из Стимфала, по отцу — сиракузянин (судя по ст. 6, предки его переселились в Сицилию при самом основании города); отсюда — заключительная метафора, в которой две родины уподоблены двум якорям (на носу и на корме) греческого корабля. Запасная родина не помогла Агесию: он погиб около 466 г. в смутах при падении Фрасибула, сына Гиерона. По совмещению атлетических и прорицательских дарований Пиндар сближает своего героя с Амфираем, по происхождению — с Иамом, по гражданству — с Гиероном; это соответствует симметричной трехчленной композиции с мифом посредине (миф в свою очередь явственно членится на три части: предки Иама — рождение Иама — судьба Иама).

¹ Первое определение относится к самому Агесию, второе и третье к его предкам: Агесий как сиракузянин не мог быть постоянным гадателем в Олимпии, но как Иамид мог советоваться с оракулом без помощи жрецов.

² Для семи войск, а не для семи вождей: Адраст остался жив, Амфираем исчез под землей. «Семь костров» называлось урочище под Фивами, хотя, по афинской традиции, вожди были погребены в Элевсине.

³ Нимфа притока Еврота, по имени которой называлась одна из 4-х общин Спарты.

⁴ Эпит, сын Элата и брат Стимфала (эпонима родины Агесия) правил на севере Аркадии, близ Киллены (отсюда покровительство Гермеса в ст. 79); точное местоположение Фесаны неизвестно.

⁵ Т. е. притворившись, что идет за водою.

⁶ Мед, обычный в мифах знак посвящения в пророки и поэты; *ῥίος* «яд», как потом *ῥίον* «фиалки» — этимологизация имени Иама.

⁷ Во-первых, безотлагательно — дар пророчества по вдохновению; во-вторых, после утверждения алтаря Зевса — дар пророчества по огню.

⁸ Т. е. родство Фив и Стимфала — повод отточить язык для песни.

⁹ Отец Фивы — Асоп, мать — Метона, нимфа источника (или озера) близ Стимфала.

¹⁰ О стимфальском культе Геры-девственницы, царицы и вдовы, упоминает Павсаний (VIII, 22, 2).

¹¹ Популярная пословица: беотийцы считались тупицами.

(Продолжение следует)